

ны серьезные проблемы с изучением русского языка. По свидетельству Сенковского, «дух вольнодумства и ненависти ко всему русскому» господствовал среди учащихся. Показательно, что 6 учебных заведений Витебской губернии, содержащиеся римско-католическими орденами, отказались подвергаться проверке [6, с. 42–43]. По результатам ревизии в 1829 г. было принято решение о создании Белорусского учебного округа в составе Витебской и Могилевской губерний. Попечителем округа был назначен Г.И. Карташевский. Местом его пребывания определен Витебск [6, с. 58]. После восстания 1830–1831 гг. правительство пошло на радикальные меры. В 1832 г. были упразднены 9 учебных заведений, находившихся при католических и униатских монастырях на территории Витебской, Могилевской и Минской губерний [6, с. 81]. В 1835 г. принято решение о запрещении преподавания польского языка в учебных заведениях округа. Таким образом, к 1835 г. старая система образования, существовавшая на территории Беларуси, была разрушена, а новая ещё не успела сложиться.

Самым приятным для Булгарина в Витебске оказалась встреча с заинтересованными читателями. «Берегитесь, гг. русские писатели! Нас читают и нас судят в провинции едва ли не строже, чем в столицах», – утверждает автор заметок [4, с. 210]. Он подчеркивает, что если в столицах автора судят по его положению в свете и, как правило, выдают чужие мнения за собственные, то в Витебске принято высказывать суждения, не иначе, как прочитав книгу [4, с. 210]. Несомненно, возмущенное отношение Булгарина к городу связано и с тем, что среди его жителей он встретил почитателей собственного таланта. Насколько его растрогал сей факт, настолько же огорчили сведения, что учителя могилевской гимназии читали издания его конкурента и критика Н.И. Надеждина «Телескоп» и «Молву». Содержание этих двух журналов Булгарин называет «бранью, неуместными выходками, насмешками, грубостями» и «душевно сожалеет» о том, какое мнение о русской литературе может составить юношество на основании такого рода изданий [4, с. 218].

Таким образом, по дороге из Дерпта в Мстиславль Ф.В. Булгарин посетил 20 населенных пунктов и преодолел достаточно препятствий в виде хамства почтовых служащих, плохого состояния дорог и трактиров. Например, в лучшем псковском трактире комнаты были невыносимо грязны, окна и двери трещали, а постель привела путешественника в ужас [4, с. 189]. На обширном пространстве, где, по мнению автора, «врожденные славянские авось и как-нибудь слились с коренной еврейской ленью и врожденной неопрятностью», он нашел вожделенный оазис [4, с. 171]. Витебск оказался не просто живописным и благоустроенным городом, в нем автор надышался атмосферой образованности и приветливости. А, главное, убедился в востребованности собственных произведений, их влиянии на умы современников. Такого итога можно лишь пожелать каждому путешественнику, идущему по дороге жизни.

1. Алтунян, А.Г. «Политические мнения» Фаддея Булгарина / А.Г. Алтунян. – М. : Изд-во УРАО, 1998. – 206 с.
2. Акимова, Н.Н. Ф.В. Булгарин: литературная репутация и культурный миф / Н.Н. Акимова. – Хабаровск: ХТПУ, 2002. – 182 с.
3. Булгарин, Ф.В. Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в ХХІХ веке (1824) / Ф.В. Булгарин. – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/189159/read> – Дата доступа: 09. 02.2017.
4. Булгарын Ф. Путевые заметки на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно весною 1835 года // Выбранае / Фадзей Булгарын; Уклад, прадм., камент. А. Фядуты. – Мн. : Беларускі кнігазбор, 2003. – С. 171–223.
5. Глушковский, П.Ф. Булгарин: эволюция идеологических и политических воззрений. Первая половина XIX в. / П.Ф. Глушковский. – СПб. : Алетей, 2013. – 232 с.
6. Игнатовец, Л.М. Белорусский учебный округ: создание и деятельность (1829–1850 гг): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Л. М. Игнатовец. – Минск, 2013. – 173 с.
7. Рейтблат, А.И. Фаддей Венедиктович булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: Статьи и материалы / А.И. Рейтблат. – М. : НЛЮ, 2016. – 632 с.
8. Федута, А.И. Перамога і параза здаровага сэнсу, або Вяртанне Булгарына / Булгарын Ф. Выбранае / Фадзей Булгарын; Уклад, прадм., камент. А. Фядуты. – Мн. : Беларускі кнігазбор, 2003. – С. 5–42.
9. Шишкова, Т. О Булгарине старом и новом: основные тенденции современного булгариноведения / Т. Шишкова // Новое литературное обозрение. 2007. – № 6. – С. 344–362.

Майорова А.С.

ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ ПЕТРОВСКЕ В 1830-е ГОДЫ: ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СОВРЕМЕННОКА

Особенности развития народного образования в дореформенной России в последнее время вызывают интерес у историков, которые изучают региональный аспект данной проблемы. Л.М. Артамонова, посвятившая специальную монографию проблемам просвещения в юго-восточных губерниях Европейской России в XVIII – начале XIX в. [1], в своей недавней статье

подчеркивает тот факт, что развитие народного образования в этот период являлось важным элементом модернизационных процессов [2, с. 344]. Значительное место в рамках данной проблемы исследователи отводят духовному образованию [9, с. 376].

В первой половине XIX в. в Саратове существовало духовное училище, была создана семинария, в нескольких уездных городах губернии были открыты духовные училища. Роль этих учебных заведений в преобразовании культурного пространства губернии, несомненно, заслуживает внимания. Не менее интересным представляется изучение повседневной жизни их учеников в рассматриваемый период. Реалии повседневности накладывали отпечаток и на усвоение изучаемых предметов, и на итоги воспитательного процесса, и на дальнейшую судьбу учеников. Сохранились воспоминания одного из учеников духовного училища в уездном городе Петровске, ставшего впоследствии художником, – Л.С. Игорева. Они относятся к 1832–1838 гг. [4].

В глазах саратовцев Петровск в первой половине XIX в. имел привлекательные черты. А. Росницкий, посетивший его в 1843 г., пишет, что Петровск – «один из лучших уездных городов Саратовской губернии» [10]. А.Ф. Леопольдов в конце 1830-х гг. отмечает: «по внешнему устройству город Петровск довольно хороший». Он называет количественный состав учеников местного духовного училища – до 270 человек [8, с. 91].

Автор мемуаров Игорев (1822–1893) не пользовался особым вниманием искусствоведов. В капитальном издании «Русское искусство» он упоминается в статьях о П.Е. Заболотском и Ф.С. Журавлеве [11, с. 682; 12, с. 132]. Ограниченный интерес по отношению к Игореву со стороны советских искусствоведов можно объяснить тем, что в его творчестве преобладали произведения, выполненные для украшения церквей. Однако он работал и как художник-портретист. Особое место в его наследии занимает серия работ, созданных во время его пребывания в русской церковной миссии в Пекине в 1858–1863 гг.

У саратовских искусствоведов интерес к его личности и наследию проявлялся в большей степени, чем у столичных специалистов, поскольку Игорев родился в Саратовской губернии, провел здесь детские и юношеские годы. В конце жизни он вернулся в Саратов, где выполнил ряд работ. В музее им. А.Н. Радищева хранится портрет священника его кисти. В путеводителе по музею (1956) дана краткая биографическая справка о художнике. Здесь имеется оценка портрета священника. Отмечая, что художник участвовал в выставках передвижников, автор справки пишет: «...Представленный в музее портрет священника типично передвижнический. Сильный по социальной и психологической характеристике, он отличается простотой и выразительностью» [5, с. 50]. В первом томе фундаментального каталога музея (2004) помещена репродукция этого портрета. В каталоге есть биографическая справка об Игорева, несколько более полная, чем в путеводителе [6, с. 249].

Некоторые эпизоды биографии Игорева затронул искусствовед И.В. Сорокин в связи с изучением вопроса о происхождении портретов саратовского епископа Иакова [13, с. 66–67]. В.И. Вардугин опубликовал статью, основное внимание в которой уделено живописному панно, выполненному Игоревым в саратовской Покровской церкви, – «Окончание Смутного времени на Руси» [3]. Вардугин приводит сведения о жизни художника и результаты разысканий исследователей о событиях 1869 г в жизни Игорева, которые он сам в воспоминаниях назвал «величайшим несчастьем». Как сообщает Вардугин, И.В. Сорокин и Г.Ю. Смирнов выяснили, что Игорев был причастен к преступлению. За это он был лишен всех прав и званий и осужден на ссылку в Сибирь. Игореву удалось избежать ссылки, ему даже разрешили продолжать писать иконы [3, с. 148]. Наиболее полная биография Игорева была опубликована в 2012 г. [7]. Ее автором является потомок сестры художника Е.Л. Лебедев. В статье совершенно не упоминается о событиях 1869 г.

Воспоминания Игорева были опубликованы в сборнике «Саратовский край» в 1893 г. [4]. Время их написания устанавливается на основании указания автора. В конце текста он упоминает, что ему уже семидесятый год [4, с. 372]. Игорев называет и дату своего рождения – 1822 г., следовательно, мемуары были написаны в 1891 г. Возможно, художник воспроизвел свою автобиографию по заказу составителей сборника. О местонахождении ее рукописи к настоящему времени не известно.

Воспоминания Игорева нельзя назвать обширным повествованием. В них можно условно выделить несколько разделов. Первый посвящен годам, проведенным в Саратовской губернии – в родном селе Комаровке Кузнецкого уезда, затем – в Петровске, где Игорев учился в уездном духовном училище, и в Саратове, где он окончил семинарию. В 1845 г. по окончании курса он

получил священническое место в Камышинском уезде и сразу подал прошение о поступлении на казенный счет в Петербургскую духовную семинарию «для усовершенствования в рисовании на два года с тем, чтобы по окончании этого срока послать его учителем рисования в какую-нибудь семинарию» [4, с. 366].

В разделе воспоминаний о годах обучения в Петербурге основное место занимает рассказ о том, как Игорев и его три товарища, проходившие обучение изобразительному искусству в семинарии, старались одновременно с этим посещать классы в Академии художеств. Игорев занимался портретной живописью и благодаря этому в 1850 г. получил звание художника и диплом. В 1854 г. он написал портрет ректора Петербургской духовной академии – епископа Макария (Булгакова), который впоследствии стал московским митрополитом и прославился как историк церкви. За этот портрет Игорев был удостоен звания академика [4, с. 368].

После этого он был назначен преподавателем живописи и иконописания в Петербургской духовной семинарии, а в 1857 г. зачислен в Пекинскую духовную миссию, с которой отправился в Китай [4, с. 369–371]. Периоду службы в духовной миссии в мемуарах отведено значительное место. В начале 1864 г. Игорев вернулся в Петербург в чине надворного советника и с орденом Станислава 3-й степени. Художник поднес императору альбом «китайских типов» и видов Пекина, за что получил бриллиантовую булавку. Ему была также пожалована пенсия в размере 400 руб. в год, он смог уволиться со службы и заняться творчеством [4, с. 372].

В 1869 г. в жизни Игорева произошли события, которые он назвал «величайшим несчастьем». Их последствием было то, что художник лишился всех прав и званий. Впрочем, звания академика живописи, вероятно, он не был лишен. В заглавии опубликованных воспоминаний Игорев назван академиком Академии художеств. Он ничего не пишет о том, что происходило с ним после 1869 г., не упоминает о переезде на жительство в Саратов [4, с. 372].

Разные периоды своей жизни автор мемуаров осветил с разной степенью подробности. Довольно много места в них уделено описанию годов учебы в петровском духовном училище. Мальчику, который был оторван от своей семьи в десятилетнем возрасте, духовное училище показалось «темным лесом». Учеба не была для него трудной, но он не смог «свыкнуться» с розгами, которыми «немилосердно пороли». Самым ярким эпизодом воспоминаний можно назвать рассказ о проживании на квартире у учителя латинского языка. Ученику-постояльцу приходилось нянчить маленького сына хозяина и прислуживать учителю – подавать трубку, чистить сапоги, бегать в кабак «за шкаликом водки», ходить с ним на базар, чтобы таскать покупки [4, с. 364]. Эти подробности живо напоминают содержание рассказа А.П. Чехова «Ванька».

Игорев пишет и о том, в каких условиях проходили занятия в духовном училище. Выясняется, что зимой его здание не отапливалось. В классах стоял такой холод, что в чернильницах замерзали чернила. Тут же мемуарист сообщает, как были одеты ученики – в халаты и чапаны, некоторые дети ходили в лаптях, в числе таких бедных учеников был он сам. Учащихся отпускали домой на Пасху и на летние каникулы. Чтобы добраться в родное село, Игореву и нескольким его товарищам по учебе приходилось идти пешком около ста верст – денег на дорогу не было. Весной в распутицу при переходе через разлившиеся речки дети спасали друг друга из воды, если кто-то из них тонул. Несмотря на суровые условия жизни в Петровске, Игорев, по его словам, находил время заниматься рисованием – это было единственное, что доставляло ему «несказанное удовольствие» [4, с. 365].

Содержание мемуаров Игорева свидетельствует о том, что годы учебы в духовном училище Петровска оставили неизгладимый след в его памяти. Забыть занятия в неотапливаемом помещении, воспитательную меру в виде розог, ежегодные путешествия домой в весеннюю распутицу пешком было невозможно так же, как и прислуживание ученика-постояльца в доме учителя. У епархиальных властей, видимо, существовало убеждение, что дети сельских священников и дьяконов могут пережить все — холод, побои, унижения. Воспоминания Игорева показывают, в каких тяжелых условиях они получали знания, необходимые для дальнейшего образования и достижения сана священнослужителя.

1. Артамонова, Л.М. .Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX вв. (Юго-восточные губернии Европейской России) / Л.М. Артамонова. – Самара : Изд-во Самарского научного центра РАН, 2001. – 395 с.
2. Артамонова, Л.М. Создание органов управления образованием и появление новых школ в условиях трансформации уездного города в губернский центр: Самара в 1850-е гг. / Л.М. Артамонова // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Самара, 2016 г. : в 2 ч. – Самара : Самар. гос. ин-т культуры, 2016. – Ч. 1. – С. 333–347.

3. Вардугин, В.И. Запечатленный праздник / В.И. Вардугин // Кто есть кто в Саратовской губернии: О времени и о себе. Личность, биография, призвание. – Саратов : Приволжское книжное издательство, 2007. – С. 147–150.
4. [Игорев, Л.С.] Воспоминания академика Академии художеств Льва Степ[ановича] Игорева / Л.С. Игорев // Саратовский край : исторические очерки, воспоминания, материалы. – Саратов : Саратовское общество вспомоществования нуждающимся литераторам, 1893. — Вып. 1. – С. 363–372.
5. Игорев, Л.С. 1823-1897. Портрет священника // Саратовский государственный художественный музей им. А.Н. Радищева : путеводитель : Русское искусство XVIII—XIX вв. — Саратов : Саратовское книжное издательство, 1956. – С. 50.
6. Игорев Лев Степанович // Саратовский государственный художественный музей имени А.Н. Радищева. Русская живопись XVIII – начала XX века : каталог / авт.-сост. : Е.И. Водонос, Г.Е. Федорова, Г.М. Кормякулина, Л.В. Пашкова. – М. : Трилистник, 2004. – Т. 1. – С. 249.
7. Лебедев, Е.Л. Его труд не пропал даром / Е.Л. Лебедев // Православие и современность. Ведомости Саратовской митрополии. – 2012. – № 22(38) январь–апрель. – С. 75–80.
8. [Леопольдов, А.Ф.] Статистическое описание Саратовской губернии : в 2 ч. / сост. Андреем Леопольдовым. – СПб. : тип. Деп. внеш. торг., 1839. – 8, 190, 2, 143 с.
9. Ляпина, А.В. Взаимоотношения Самарской духовной семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии через корпорации преподавателей во второй половине XIX в. / А.В. Ляпина // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации: Материалы IV Междунар. научно-практ. конф. Самара, 2016 г. : в 2 ч. – Самара : Самар. гос. ин-т культуры, 2016. – С. 366–372.
10. Росницкий, А. Путевые заметки о городе Петровске и уезде / А. Росницкий // Прибавления к Саратовским губернским ведомостям. – 1843. – № 40.
11. Савинов, А.Н. Петр Ефимович Заболотский / А.Н. Савинов // Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников первой половины XIX века. – М. : Искусство, 1954. – С. 671–682.
12. Савинов, А.Н. Фирс Сергеевич Журавлев / А.Н. Савинов // Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников. Вторая половина XIX века : в 2 т. – М. : Искусство, 1962. – Т. 1. – С. 131–148.
13. Сорокин, И.В. Портрет владыки / И.В. Сорокин // Памятники Отечества. Сердце Поволжья : иллюстр. альманах Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры / гл. ред. С.Н. Разгонов. – М.: Красный пролетарий, 1998. – № 39 (1–2). – С. 66–67. – (Вся Россия).

Латышева В.А.
ГОРОД КАК ЦЕНТР ГУМАННОСТИ:
ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКИ
(на примере г. Витебска)¹

Нельзя не признать в отечественной историографии ограниченный характер исследований, посвящённых истории белорусского города. Еще более фрагментарна и малочисленна историография вопроса ценностных установок и ориентиров его жителей. По ряду причин сегодня актуализировались и эти вопросы, среди которых наполнение таких понятий как милосердие, сочувствие, гуманность.

Пожалуй, как никогда общество испытывается на сострадание в переломные времена социальных потрясений. Видится, что одним из пиковых показателей наполнения и проявления указанной категории ценностей может выступать динамика системы отношений, взглядов и идей к наименее защищённым социальным группам. К одной из них принадлежат люди с ограниченными психическими и психофизическими возможностями – душевнобольные. История их жизни для нас продолжает оставаться закрытой книгой. Приходится признать, что количество публикаций, посвящённых в целом, истории психиатрии Беларуси, остается весьма ограниченным, не говоря об истории отдельных центров оказания медицинской стационарной помощи в республике.

Обращает внимание и тот факт, что среди архивного наследия Республики Беларусь существует всего лишь один фонд, посвященный непосредственно психиатрическому медицинскому стационарному учреждению в Беларуси – фонд № 544 «Местного комитета Витебской психиатрической больницы». Хронологические рамки фонда охватывают период с 1922 года по 1929 год, за 1930-ые годы – всего один документ. Массив фонда составляют лишь 36 дел [9]. Однако не только эта своеобразная «изюминка» способна выделить Витебск – один из богатейших исторических центров оказания разветвлённой сети медицинской помощи населению, как и колыбель современного высшего медицинского образования в Беларуси, наравне с Минском.

Первые этапы становления психиатрической медицинской помощи в Витебске, пусть и очень мозаично, возможно почерпнуть из ставших классическими монографий двух ярких организаторов системы психиатрической службы в СССР – Т.И. Юдина [10] и Д.Д. Федотова [8]. Их исследования вышли ещё в 1950-е годы. Следует также указать и единственную до сих пор диссертацию, посвящённую истории сугубо белорусской психиатрии. Она принадлежит Л.А. Костейко и была защищена ещё в 1970-м году [6].

¹ Тема представлена в рамках проекта «Уничтожение душевнобольных в Беларуси: 1941 – 1944». Фонд Г. Хенкель, Федеративная Республика Германия.